

РАЗДЕЛ V. ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК

Файзрахманов Р.

ВООРУЖЕННОЕ НАСИЛИЕ В СИСТЕМЕ ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ*

Аннотация: Статья «Вооруженное насилие в системе властных отношений», представленная для публикации, представляет собой изложение взглядов автора на одну из политолого-правовых проблем, актуальность и практическая значимость которой со временем все более возрастают. Свидетельством тому служат многочисленные примеры применения вооруженного насилия в различного рода и уровня отношениях (террористические акты во всем мире, события на Северном Кавказе, операция по принуждению Грузии к миру в августе 2008г. и т.д.).

Ключевые слова: власть, властные отношения, вооруженное насилие, война, вооруженные силы.

Государственно организованное общество, этап развития которого человечество переживает уже не первое тысячелетие, объективно и закономерно породило властные отношения. Представляя собой принципиально важную разновидность и часть общественных связей, они отличаются рядом особенностей, концентрация внимания на которых обеспечит нам возможность достигнуть цели, поставленные перед настоящей статьей:

1) содержанием этих отношений была и остается борьба за захват, удержание и использование политической власти, которая и порождает особую сферу жизни и деятельности людей. Из массива определений власти, данных разными авторами, выберем тот вариант, который дает возможность представить власть как способность и возможность одних субъектов с помощью разнообразных средств и методов оказывать определенное влияние на других в интересах достижения каких-либо конкретных целей;

2) они закономерно вызывают заслуженный интерес у представителей различных обществоведческих наук, которые традиционно характеризуют эти отношения качеством системности. По нашему глубокому убеждению, это качество проявляется двояко. С одной стороны, властные отношения являются элементом системы социальных отношений, с другой же стороны, сами по себе, они представляют собой стройную систему;

3) они отличаются разнообразием субъектов, участвующих в них, а также используемых в процессе борьбы за власть средств и методов, что позволяет представить их в виде определенно сложившейся политико-правовой конструкции, представляемой нами несколько уже, нежели система;

4) они детерминированы уровнем и качеством развития соответствующей социо-культурной макросреды, что обуславливает их динамизм и преемственность и, следовательно, диктует необходимость историко-политологического взгляда на ин-

* © Файзрахманов Р.

тересующий нас социальный феномен. Последнее обстоятельство требует конкретизации, ибо под феноменом властных отношений мы понимаем взгляд на них не только как на явление и процесс, но и видение в нем соответствующей проблемы, которая и не позволяет снимать его с повестки дня, актуализирует повышенное внимание к ним.

Исходя из всего этого, вычленим среди множества явлений, процессов и проблем те, что представляют для нас повышенный интерес.

В ряду таких издревле были и остаются *вооруженные силы*, в состав которых, в первую очередь, традиционно включаются армия и флот, а также *вооруженное насилие*, зачастую доходящее до такой своей крайней формы, как *война*. Они органично и конструктивно входят в структуру и содержание властных отношений.

Естественно, вооруженное насилие в данном контексте понимается нами как разновидность насилия политического и оно отграничивается нами от вооруженного насилия, проблемами которого занимаются представители уголовно-правовой и криминологической наук. Оно само по себе представляет отношения, которые, в свою очередь, по конструкции во многом схожи с властными отношениями. К наиболее распространенным формам вооруженного насилия, помимо войны относят бунты, мятежи, государственные перевороты и др. На большей части из них и, в том числе, причинах, их порождающих, сосредоточил свое внимание еще Аристотель в своей знаменитой книге «Политика».

В различной интерпретации и в зависимости от конкретных целей и обстоятельств они предстают перед исследователем как *средство* и *метод* осуществления политики, реализации властных целей. В числе первых, кто аргументировано обосновал связь их с политикой, был прусский военный теоретик и историк К. Клаузевиц. Он утверждал, что «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществление их другими средствами»¹. Этими «другими средствами» являются, в том числе и, прежде всего, вооруженные силы. И еще одно немаловажное обстоятельство, на которое, как нам кажется, нельзя не обратить внимание. К. Клаузевиц характеризует войну как своеобразную «троицу», составленную:

- во-первых, из насилия, как первоначального своего элемента, ненависти и вражды, которые следует рассматривать, как слепой природный инстинкт;
- во-вторых, из игры вероятностей и случайностей, что делает ее свободной душевной деятельностью; -
- в-третьих, из подчиненности ее в качестве орудия политике, благодаря чему она становится достоянием непосредственно рассудка.

Каждая из этих сторон имеет своего конкретного адресата, в качестве которого, соответственно, выступают народ, полководец и его войско, а также правительство.

Тем самым, автор подводит нас к мысли о непосредственной связи всего происходящего на войне с сознанием участвующих в ней субъектов. Непременной составляющей этого сознания являются такие его элементы, которые лежат в основе политолого-правовой оценки вооруженного насилия в любой форме.

В этой связи обратим внимание на такой факт. К сожалению, не все знают, что еще в 1805 г. Г.Д. Бюлов – один из интереснейших и значительных классиков военной литературы, произведения которого полны противоречий и порой парадоксов, прямо указал на связь политики, насилия и вооруженных сил. Не риторически вопрошая, может ли военная наука не заключать в себе политику, он почти за два десятка лет до Клаузевица утверждал, что «политическая стратегия относится также к военной стратегии, как последняя – к тактике»². Войну же он определяет через уголовно-правовые

понятия, понимая ее как науку о разбое, грабежах и воровстве.

Задолго до этих авторов на связь войны и политики обратил внимание китайский полководец Сунь-цзы – автор всемирно известного трактата о войне, появившегося на свет на 500 лет раньше Библии. Он писал, что «...Искусство войны имеет первостепенное значение для государства. Это дело жизни и смерти – путь к существованию либо к гибели»³. Небесспорно, но, по его мнению, одним из основных и «постоянных» факторов достижения победы наряду с нравственным законом, методом и дисциплиной (а все это есть порождение, результат и уровень соответствующего политического и правового сознания), выступает, полководец, который является вершителем народной судьбы – человеком, от которого зависит безопасность страны.

Другой, не менее известный мыслитель древности Цицерон в своем последнем философском труде «Об обязанностях» заметил: «Ведь войны происходили, можно сказать, всегда»⁴. Здесь же он выделяет один нюанс, который, несмотря на свою неоднозначность, сегодня может быть актуален как никогда. Цицерон, как доподлинно известно, подчеркивал, что первый благоприятный отзыв о молодом человеке на его пути к славе мог бы быть достигнут его воинскими подвигами, на этом поприще многие отличились во времена предков. Молодые римские граждане начинали свою карьеру именно с военной службы. Как свидетельствуют источники того времени, бог войны Марс был покровителем юношества.

Обращение в этой связи к истории Древнего Рима как одного из первых наиболее развитых государств, убеждает нас в том, сколь велико в его политической жизни и соответствующей системе властных отношений было значение двух анализируемых нами институтов. Права, как нам кажется, О.В. Сидорович, которая отмечает, что: «История Рима в обыденном сознании связывается с победами его армии, в результате которых в Средиземноморье сложилась новая политическая организация – Римская империя»⁵. То же самое утверждает другой исследователь В.Н. Токмаков: «Как известно, мощь Рима покоилась на его военной организации, структура которой совершенствовалась в течение многих веков...»⁶.

В силу ряда причин в те времена не столь остро стоял вопрос о классификации различных форм вооруженного насилия, в том числе войн, а также функций вооруженных сил. Поначалу насилие во всех его проявлениях в политике оправдывалось и считалось естественным методом и/или средством достижения поставленных целей. Еще Гераклит указывал, что «война всеобща» и «все происходит через борьбу и по необходимости». Он был уверен, что война есть «отец всего и всего царь; одним она предопределила быть богами, другим – людьми; одних она сделала рабами, других – свободными»⁷.

То же самое в своих «Законах» утверждал Платон, отмечая, что война против всех вытекает из самой природы общества, из тех противоречий, что присущи отношениям людей друг к другу. Он был убежден, что «существует вечная непримиримая война между государствами»⁸.

Справедливости ради заметим, что в глубокой древности, не обратиться к которой в контексте обсуждаемых проблем нам просто нельзя, предпринимались лишь некоторые, можно сказать, едва заметные попытки деления войн на справедливые и несправедливые, оборонительные и захватнические. В трактате Цицерона «Об обязанностях» читаем: «Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны... Поэтому войны надо начинать с целью, не совершая противозаконий...»⁹. Интересна его позиция по поводу справедливости войны. Справедливой, по его убеждению, может быть только такая война, которую ведут после предъявления

требований или же предварительно возвести и объявили. В этих и других словах без труда прослеживаются очертания принципов, на которых зиждется современное представление о справедливой войне, а также норм современного международного права, действующих в период войн и вооруженных конфликтов.

Совершенно прав наш соотечественник И.А. Ильин, который насилие и войну называл «хозяйственно-политическим и социально-культурным самоубийством или во всяком случае самоизуродованием» друг друга воюющими сторонами. По нему, война является «культурно разрушительным способом разрешения споров»¹⁰.

Не вдаваясь в подробности, заметим, что человечество до сих пор не нашло вооруженному насилию в разных его проявлениях разумной альтернативы. Насилие до сих пор в политическом арсенале тех, кто пытается добиться своих определенных целей (причем на внешней и внутренней арене борьбы за власть), не гнушаясь при этом никакими средствами и методами. Ежегодно мы становимся свидетелями и, соответственно, если условно выразиться, непосредственными или опосредованными жертвами порядка 30 войн и вооруженных конфликтов самых разных по характеру, напряженности, длительности и последствиям.

В этой связи интересным, на наш взгляд, является мнение профессора В.В. Серебрянникова, который, оценивая тенденции эволюции сознания наших современников в отношении войны, указывает, что «некоторые исследователи, как Ч. Москос, полагают, что в конце XX века рождается общество отрицания войны, антивоенный человек, что обещает полную победу мира над войной в XXI веке»¹¹. Вряд ли это так. Ведь войну начинают политики, а народы в них только участвуют и им не под силу самим себя избавить от этого зла. Поскольку война есть продолжение политики, в настоящее время представляется трудным воображение мира без войн и насилия, без вооруженных сил. Сама жизнь диктует необходимость переосмысления и переоценки этих институтов. Коль скоро любое вооруженное насилие и, прежде всего, война приводят общество в то или иное политико-правовое состояние, что порождает соответствующие политико-юридические последствия.

В конституциях и иных нормативно-правовых актах современных государств мы, естественно, не найдем ни одного положения, которое было дало повод предположить, что кто-либо готов использовать войну как средство достижения цели, применяемое по собственной инициативе. Например, в ст. 11 Конституции Итальянской Республики от 22 декабря 1947, однозначно подчеркивается, что «Италия отвергает войну как орудие посягательства на свободу других народов и как способ разрешения международных споров»¹². Ст. 26 Основного закона ФРГ от 23 мая 1949 г. гласит: «Действия, способные нарушить мирное сосуществование народов и предпринимаемые с этой целью, в частности для подготовки к ведению агрессивной войны, являются антиконституционными. Они должны быть наказуемы»¹³.

Если обратиться к Конституции РФ, то в ней мы не найдем прямого указания на отказ от войны как средства политики. Зато данное положение мы видим в Военной доктрине РФ, которая представляет собой совокупность официальных взглядов (установок), определяющих военно-политические, военно-стратегические и военно-экономические и иные основы обеспечения военной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ от 2000 г. В ней, в частности, отмечается, что военная доктрина носит *оборонительный характер*, что предполагает органическое сочетание в ее положениях приверженности миру с твердой решимостью защищать национальные интересы, гарантировать военную безопасность РФ и ее союзников.

Что касается вооруженных сил как одного из средств решения задач в анализируемой нами сфере общественных отношений, то здесь большой интерес вызывает

вопрос классификации их функций. В большинстве случаев их сводят к двум основным – внешним и внутренним. Правда, нормативно и в прямой постановке в законодательстве современных государств это непосредственно, как правило, не закреплено. Так, в ст. 79 Конституции Австрийской Республики от 10 ноября 1920 г. говорится, что «на федеральную армию возлагается вооруженная оборона страны». Кроме того, «если законной гражданской власти требуется ее содействие», на нее возлагаются задачи защиты конституционных учреждений и обеспечение условий их деятельности, а также демократических свобод граждан, общее поддержание порядка и безопасности внутри страны, оказание помощи при стихийных бедствиях и катастрофах, значительных по своему масштабу¹⁴.

Подобные положения зафиксированы в ст.58 Союзной конституции Швейцарской Конфедерации от 18 апреля 1999 г.: «Армия служит для воспрепятствования войне и содействует сохранению мира; она защищает страну и ее население, Она поддерживает гражданские власти при отражении серьезных угроз внутренней безопасности и при ликвидации других чрезвычайных ситуаций. Закон может предусмотреть дальнейшие задачи»¹⁵.

Из приведенных формулировок явно прослеживаются два направления в деятельности вооруженных сил: 1) защита от внешней угрозы и 2) участие в решении некоторых внутригосударственных задач.

Непременным условием решения этих задач, стоящих перед властными структурами любого государства и Российского, в частности, является усиление его *военной мощи*. Посредством этой политологической категории мы имеем возможность проанализировать и оценить возможности того или иного властного субъекта политики в специфической сфере деятельности. В качестве такового на первое место закономерно выдвигается государство. Т.е. через понятие военной мощи раскрывается потенциал соответствующего государства как властного элемента, дается характеристика его с точки зрения статической.

Наиболее важным элементом военной мощи государства выступает *боевая мощь* его вооруженных сил, в основе которой, большинство специалистов видят конкретно определенную *военную силу*. Практическое использование последней влечет за собой возможность реального применения вооруженного насилия. Это, в свою очередь дает возможность характеризовать государство и его властные структуры с точки зрения динамической.

Логика подсказывает, что в контексте всего изложенного выше нельзя не обратиться к тексту Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Она является базовым документом по планированию развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, в котором излагаются порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности.

Особенностью документа, рассчитанного на ближайшую перспективу, является то, что в нем нет прямого выражения и закрепления тех понятий, которые мы выделили выше. Зато вместо понятия *военная мощь* мы читаем здесь, что в *систему обеспечения национальной безопасности* Российской Федерации входят:

– «*силы обеспечения национальной безопасности*» – Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, в которых федеральным законодательством предусмотрена военная и (или) правоохранительная служба, а также федеральные органы государственной власти, принимающие участие в обеспечении национальной безопасности государства на основании законодательства Российской Федерации. В политологической литературе для обозначения тако-

вых, как известно, используется такое синтетическое понятие, как вооруженная организация общества;

– «*средства обеспечения национальной безопасности*» – технологии, а также технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства, включая телекоммуникационные каналы, используемые в системе обеспечения национальной безопасности для сбора, формирования, обработки, передачи или приема информации о состоянии национальной безопасности и мерах по ее укреплению.

Возможно, такое понимание системы обеспечения национальной безопасности с точки зрения научной трудно сравнимо с понятием военной или оборонной мощи государства. Однако сделать это по некоторым основаниям будет вполне корректно. Подход, предложенный авторами Стратегии национальной безопасности, видится нам несколько зауженным, поскольку при оценке сил и средств обеспечения национальной безопасности акцент ими делается, в основном, на военную составляющую. Упускаются из виду такие компоненты, без которых трудно представлять военную мощь государства. Это, в первую очередь, экономический компонент, социально-демографический, морально-психологический и др. В любом случае, к ним уместно будет прибавить такой компонент, как политико-правовой, обеспечивающий и гарантирующий формально-организационную и структурно-функциональную стороны деятельности по наращиванию мощи и обеспечению безопасности государства. Еще накануне первой мировой войны наш соотечественник известный российский правовед С.А. Котляревский, формулируя теоретико-методологические основы правового государства, обращал внимание на то, что нет и не может быть противоречия между началами правового государства и требованиями государственной безопасности и мощи. Напротив: известный минимум правопорядка необходим для самой безопасности, не говоря уже о мощи. И тут же он утверждает, что популярную на всех уровнях формулу «от силы к праву», пережитую не одним поколением людей, ни в каком отношении нельзя признать удачной. Сила остается таким же признаком государства в настоящее время, как и в незапамятные эпохи, в которых надо искать его происхождение. Даже, напротив, эта организация (имеется ввиду государство - Р.Ф.) увеличила находящийся в ее распоряжении капитал силы. Под таковым автор подразумевал, прежде всего, достижения научно-технического прогресса, что свидетельствует о его прозорливости и способности предвидеть определенные тенденции в социально-политическом развитии.

Скорее всего, в новых военно-политических документах, которые планируется принять в развитие названной Стратегии, в частности, в новой военной доктрине, вопрос о компонентах безопасности и мощи найдет более адекватное отражение. Ее обсуждению, кстати, была посвящена военно-научная конференция, проведенная в начале 2007г. в Академии военных наук по теме: «Структура и основное содержание новой военной доктрины России». В одноименном докладе Президента академии профессора М.А. Гареева приведен один любопытный исторический факт. Когда после Второй мировой войны на международной арене начали проявляться попытки принизить роль Франции, Шарль де Голль сказал, что Франция может быть только великой державой. Или она будет такой, или это будет не Франция, а какое-то другое государственное образование. Это положение известный военный теоретик экстраполирует на современную Россию, имея для этого достаточно оснований. Не согласиться с этим, как нам кажется, довольно трудно.

Что касается вооруженных сил современной России, в настоящее время они реализуют и внешнюю, и внутреннюю функции. Это с очевидностью вытекает из тех нормативно-правовых актов, которые составляют правовую основу жизни и деятель-

ности нашей армии и флота. Более интересным нам видится вопрос об участии российских военных во власти и властных отношениях. В последние годы чаще предпринимаются попытки обосновать, что российские военные активны в политике. Так ли это? Скорее всего, наоборот. Есть основания полагать, что на протяжении практически всей российской истории военные, скорее всего, *не вмешивались* в политические и связанные с ними процессы, а *их использовали* в качестве самой организованной и вооруженной силы. Единственной, пожалуй, попыткой вмешательства армии в политику было восстание декабристов 1825 г. Без ноты пессимизма, заметим и это известно всем, чем оно закончилось для его участников. То есть, можно полагать, что российской армии не присуща относительная самостоятельность как политико-правового института, что характерно для вооруженных сил многих других государств, особенно развивающихся. Так, по данным американского автора С.Е. Уэлча за два десятилетия (1958-1977) в Азии, Африке и Латинской Америке имела место 151 попытка военных переворотов, из которых 97 были успешными.

Причин относительной политической пассивности российских вооруженных сил достаточно много. Основные из них коренятся в особенностях российского менталитета вообще и политического и правового сознания российских военнослужащих, в частности. Сознание это своими корнями уходит в далекое прошлое, оно пока не в полной мере освободилось от той рабской психологии, которая в определенной мере насаждалась соответствующими органами и службами. Известные слова прусского короля и полководца Фридриха II о том, что от офицера до последнего рядового никто не должен рассуждать, а лишь должен исполнять, что приказано прямо и непосредственно, относилось и относится ко всей системе обучения и воспитания самых различных слоев российских военнослужащих.

В современных условиях, когда армия и флот в силу ряда причин, не пользуются должным авторитетом и доверием среди населения, пока не представляется возможным говорить о качественном решении стоящих перед ними задач. Преодолеть эту проблему можно и должно. Как это следует делать, подсказывал еще Г. Гегель: «Сила страны состоит не в количестве жителей и солдат, не в плодородии земли и не в количестве территории, а в том, как посредством разумного соединения частей в единую государственную власть все это используется для реализации великой цели – совместной защиты»¹⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

- 1 Клаузевиц К. О войне. – М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Изд-во Terra Fantastica, 2003. С. 39.
- 2 См.: Стратегия в трудах военных классиков.- М.: ИД Финансовый контроль, 2003. С. 366, 337.
- 3 Сунь-цзы Искусство войны /Пер. с англ. Издание второе. - Ростов-на-Дону, 2004. С. 5.
- 4 Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанности. - М.: Наука, 1975. С. 111.
- 5 Сидорович О.В. Единоборство в системе ценностей римского гражданина эпохи Республики // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2003/2004. Новые научные исследования. М.: РОСПЭН, 2005. С. 18.
- 6 Токмаков В.Н. Римлянин Ранней Республики на войне: права и обязанности // Там же. С. 5.
- 7 Цит. по: Шерпаев В.И.: Проблемы войны и мира в политологии: Учеб. пособие. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999. С. 8.
- 8 Платон. Соч. Т. 4. С.72
- 9 См.: Там же. С. 66-67.
- 10 Ильин. И. Соч. в 10 томах. Т. 1. М.: Русская книга, 1995. С. 216.
- 11 Серебрянников В.В. Массовое сознание: проблемы войны и мира // Социологические исследования. 1999. № 8. С. 45.
- 12 Конституции государств Европы: В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 105.
- 13 См.: Там же. Т. 1. С. 589.

- 14 См.: Конституции стран Европы... Т. 1. С. 71, 546.
15 См.: Там же.
16 Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 104.

R. Faizrakhmanov

THE ARMED VIOLENCE IN SYSTEM OF IMPERIOUS RELATIONS

Abstract: Article represents a statement of sights of the author on one of politologo-legal problems, the urgency and which practical importance more and more increase in due course. As the certificate that is served by plural examples of application of the armed violence in any and level relations (acts of terrorism all over the world, events in the North Caucasus, operation on compulsion of Georgia to the world in August 2008r. Etc.).

Key words: the power, the imperious relations, the armed violence, war, armed forces.